Собраніе лучшихъ русскихъ произведеній.
Часть LV. Мар. 1,20.

Л. Н. ТОЛСТОЙ.

ВОЗСТАНОВЛЕНІЕ АДА.

ЛЕГЕНДА.

Берлинъ
Изданіе Гуго Штейница.
1903.

Berlin SW.
Hugo Steinitz Verlag.
1903.

L. N. TOLSTOI.
Auferstehung der Hölle.

L. N. TOLSTOY.
Restauration de l'enfer.

Л. Н. Толстой.

Возстановленіе ада.

Л. Н. ТОЛСТОЙ.

ВОЗСТАНОВЛЕНІЕ АДА.

ЛЕГЕНДА.

БЕРЛИНЪ.
Изданіе Гуго Штейница.
Шарлоттенштрассе 2.

„Пров 49"

2 мк
Т

22465

Разрушеніе ада и возстановленіе его.

I.

Это было въ то время, когда Христосъ открывалъ людямъ свое ученіе.

Ученіе это было такъ ясно, и слѣдовать ему было такъ легко, такъ очевидно избавляло оно людей отъ зла, что нельзя было не принять его, и ничто не могло удержать его распространенія.

Вельзевулъ, отецъ и повелитель всѣхъ дьяволовъ, былъ встревоженъ. Онъ ясно видѣлъ, что власть его надъ людьми кончится навсегда, если только Христосъ не отречется отъ своей проповѣди. Онъ былъ встревоженъ, но не унывалъ и подстрекалъ покорныхъ ему фарисеевъ и книжниковъ какъ можно сильнѣе оскорблять и мучить Христа, а ученикамъ

Христа совѣтовалъ бѣжать и оставить его одного. Онъ надѣялся, что приговоръ къ позорной казни, поруганіе, оставленіе его всѣми учениками и, наконецъ, самыя страданія и казнь сдѣлаютъ то, что Христосъ въ послѣднюю минуту отречется отъ своего ученія. А отреченіе уничтожитъ всю силу ученія.

Дѣло рѣшалось на крестѣ. И когда Христосъ возгласилъ: „Боже мой, Боже мой, для чего Ты меня оставилъ!“ — Вельзевулъ возликовалъ. Онъ схватилъ приготовленныя для Христа оковы и, надѣвъ ихъ себѣ на ноги, прилаживалъ такъ, чтобы онѣ не могли быть расторгнуты, когда будутъ надѣты на Христа.

Но вдругъ послышались на крестѣ слова: „Отче, прости имъ, ибо не знаютъ, что̀ дѣлаютъ“. И вслѣдъ затѣмъ Христосъ возгласилъ: „совершилось!“ и испустилъ духъ.

Вельзевулъ понялъ, что все для него пропало. Онъ хотѣлъ снять съ своихъ ногъ оковы и бѣжать, но не могъ двинуться съ мѣста. Оковы скипѣлись на немъ и держали его ноги. Онъ хотѣлъ подняться на крыльяхъ, но не могъ расправить ихъ. И Вельзевулъ

видѣлъ, какъ Христосъ въ свѣтломъ сіяніи остановился въ вратахъ ада, видѣлъ, какъ грѣшники отъ Адама и до Іуды вышли изъ ада, видѣлъ, какъ разбѣжались всѣ дьяволы, видѣлъ, какъ самыя стѣны ада беззвучно распались на всѣ четыре стороны. Онъ не могъ болѣе переносить этого и, пронзительно завизжавъ, провалился сквозь треснувшій полъ въ преисподнюю.

II.

Прошло 100 лѣтъ, 200, 300 лѣтъ.

Вельзевулъ не считалъ времени. Вокругъ него былъ черный мракъ и мертвая тишина. Онъ лежалъ неподвижно и старался не думать о томъ, что̀ было, и все-таки думалъ и безсильно ненавидѣлъ виновника своей погибели.

Но вдругъ, — онъ не помнилъ и не зналъ, сколько сотъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, — онъ услыхалъ надъ собой звуки, похожіе на топотъ ногъ, стоны, крики, скрежетъ зубовный.

Вельзевулъ приподнялъ голову и сталъ прислушиваться.

Тому, чтобы адъ могъ возстановиться послѣ побѣды Христа, Вельзевулъ не могъ вѣрить, а между тѣмъ, топотъ, стоны, крики и скрежетъ зубовъ становились все яснѣе и яснѣе.

Вельзевулъ поднялъ туловище, подобралъ

подъ себя мохнатыя, съ отросшими копытами ноги (оковы, къ удивленію его, сами соскочили съ нихъ) и, затрепавъ свободно раскрывшимися крыльями, засвисталъ тѣмъ призывнымъ свистомъ, которымъ онъ, въ прежнія времена призывалъ къ себѣ своихъ слугъ и помощниковъ.

Не успѣлъ онъ перевести дыханіе, какъ надъ головой его разверзлось отверстіе, блеснулъ красный огонь, и толпа дьяволовъ, давя другъ друга, высыпалась изъ отверстія въ преисподнюю и, какъ вороны вокругъ падали, разсѣлись кругомъ Вельзевула.

Дьяволы были большіе и маленькіе, и толстые, и худые, и съ длинными и съ короткими хвостами и острыми, прямыми и кривыми рогами.

Одинъ изъ дьяволовъ, въ накинутой на плечи пелеринкѣ, весь голый и глянцевито-черный, съ круглымъ безбородымъ, безусымъ лицомъ и огромнымъ, отвисшимъ животомъ, сидѣлъ на карточкахъ передъ самымъ лицомъ Вельзевула и, то закатывая, то опять выкатывая свои огненные глаза, не переставая улыбался, равномѣрно, изъ стороны въ сторону помахивая длиннымъ, тонкимъ хвостомъ.

III.

— Что̀ значитъ этотъ шумъ? — сказалъ Вельзевулъ, указывая наверхъ. — Что̀ тамъ?

— Все то же, что̀ было всегда, — отвѣчалъ глянцевитый дьяволъ въ пелеринкѣ.

— Да развѣ есть грѣшники? — спросилъ Вельзевулъ.

— Много, — отвѣчалъ глянцевитый.

— А какъ же ученіе того, кого я не хочу называть? — спросилъ Вельзевулъ.

Дьяволъ въ пелеринкѣ оскалился такъ, что открылись его острые зубы, и между всѣми дьяволами послышался сдержанный хохотъ.

— Ученіе это не мѣшаетъ намъ. Они не вѣрятъ въ него, — сказалъ дьяволъ въ пелеринкѣ.

— Да вѣдь ученіе это явно спасаетъ ихъ отъ насъ, и онъ засвидѣтельствовалъ его своей смертью? — сказалъ Вельзевулъ.

— Я передѣлалъ его, — сказалъ дьяволъ въ пелеринкѣ, быстро трепля хвостомъ по полу.

— Какъ передѣлалъ?

— Такъ передѣлалъ, что люди вѣрятъ не въ его ученіе, а въ мое, которое они называютъ его именемъ.

— Какъ ты сдѣлалъ это? — спросилъ Вельлевулъ.

— Сдѣлалось это само собою. Я только помогалъ.

— Разскажи коротко, — сказалъ Вельзевулъ.

Дьяволъ въ пелеринкѣ, опустивъ голову, помолчалъ, какъ бы соображая, не торопясь, и потомъ началъ разсказывать:

— Когда случилось то страшное дѣло, что адъ былъ разрушенъ и отецъ и повелитель нашъ удалился отъ насъ, — сказалъ онъ, — я пошелъ въ тѣ мѣста, гдѣ проповѣдовалось то самое ученіе, которое чуть было не погубило насъ. Мнѣ хотѣлось увидать, какъ живутъ люди, исполняющіе его. И я увидалъ, что люди, жившіе по этому ученію, были совершенно счастливы и недоступны намъ. Они не сердились другъ на друга, не предавались

женской прелести и или не женились, или, женившись, имѣли одну жену, не имѣли имущества: все считали общимъ, не защищались отъ нападающихъ и платили добромъ за зло. И жизнь ихъ была такъ хороша, что другіе люди все болѣе и болѣе привлекались къ нимъ. Увидавъ это, я подумалъ, что все пропало, и хотѣлъ уже уходить. Но тутъ случилось обстоятельство, само по себѣ ничтожное, но оно мнѣ показалось заслуживающимъ вниманія, и я остался. Случилось то, что между этими людьми одни считали, что надо всѣмъ обрѣзываться и не надо ѣсть идоложертвенное, а другіе считали, что это не нужно и что можно и не обрѣзываться, и ѣсть все. И я сталъ внушать и тѣмъ, и другимъ, что разногласіе это очень важно и что ни той, ни другой сторонѣ никакъ не надо уступать, такъ какъ дѣло касается служенія Богу. И они повѣрили мнѣ, и споры ожесточились. И тѣ, и другіе стали сердиться другъ на друга, и тогда я сталъ внушать и тѣмъ, и другимъ, что они могутъ доказать истинность своего ученія чудесами. Какъ ни очевидно было, что чудеса не могутъ доказать истинности ученія, имъ такъ хотѣлось быть правыми, что они

повѣрили мнѣ, и я устроилъ имъ чудеса. Устроить это было нетрудно. Они всему вѣрили, что̀ подтверждало ихъ желаніе однимъ быть въ истинѣ.

Одни говорили, что на нихъ сошли огненные языки, другіе говорили, что они видѣли самого умершаго учителя и многое другое. Они выдумывали то, чего никогда не было, и лгали во имя того, кто назвалъ насъ лжецами, не хуже насъ, сами не замѣчая этого. Одни говорили про другихъ: ваши чудеса не настоящія, наши — настоящія. А тѣ говорили про этихъ: нѣтъ, ваши — не настоящія, а наши — настоящія.

Дѣло шло хорошо, но я боялся, какъ бы они не увидали слишкомъ очевиднаго обмана, и тогда я выдумалъ „церковь“. И когда они повѣрили въ церковь, я успокоился: я понялъ, что мы спасены, и адъ возстановленъ.

IV.

— Что̀ такое „церковь“? — строго спросилъ Вельзевулъ, не хотѣвшій вѣрить тому, чтобы слуги его были умнѣе его.

— А церковь это то, что когда люди лгутъ и чувствуютъ, что имъ не вѣрятъ, они всегда, ссылаясь на Бога, говорятъ: „Ей Богу правда то, что̀ я говорю“, — это собственно и есть церковь, но только съ той особенностью, что люди, признавшіе себя церковью, увѣряются, что они уже не могутъ заблуждаться, и потому, какую бы глупость они не сказали, уже не могутъ отъ нея отречься. Дѣлается же церковь такъ: люди увѣряютъ себя и другихъ, что учитель ихъ, Богъ, во избѣжаніе того, чтобы открытый Имъ людямъ законъ не былъ ложно перетолкованъ, избралъ особенныхъ людей, которые одни или тѣ, кому они передадутъ эту

власть, могутъ правильно толковать Его ученіе. Такъ что люди, называющіе себя церковью, считаютъ, что они въ истинѣ не потому, что то, что они проповѣдуютъ, есть истина, а потому, что они считаютъ себя едиными законными пріемниками учениковъ учениковъ учениковъ и, наконецъ, учениковъ самого учителя — Бога. Хотя и въ этомъ пріемѣ было то же неудобство, какъ й въ чудесахъ, а именно то, что люди одновременно могли утверждать каждый про себя, что они члены единой истинной церкви (что всегда и бывало), — но выгода этого пріема та, что, какъ скоро люди сказали про себя, что они церковь, и на этомъ утвержденіи построили свое ученіе, то они уже не могутъ отречься отъ того, что они сказали, какъ бы нелѣпо ни было сказанное и что бы ни говорили другіе люди.

— Но отчего же церковь перетолковала ученіе въ нашу пользу? — сказалъ Вельзевулъ.

— А сдѣлали они это потому, — продолжалъ дьяволъ въ пелеринкѣ, — что, признавъ себя едиными толкователями закона Бога и убѣдивъ въ этомъ другихъ, люди эти сдѣла-

лись высшими рѣшителями судьбы людей и потому получили высшую власть надъ ними. Получивъ же эту власть, они естественно возгордились и большею частью развратились и тѣмъ вызвали противъ себя негодованіе и вражду людей. Для борьбы же со своими врагами они, не имѣя другого орудія, кромѣ насилія, стали гнать, казнить, жечь всѣхъ тѣхъ, кто не признавалъ ихъ власти. Такъ что они самымъ своимъ положеніемъ были поставлены въ необходимость перетолковать ученіе въ такомъ смыслѣ, чтобы оно оправдывало и ихъ дурную жизнь, и тѣ жестокости, которыя они употребляли противъ своихъ враговъ. Они такъ и сдѣлали.

V.

— Но вѣдь ученіе было такъ просто и ясно, — сказалъ Вельзевулъ, все еще не желая вѣрить тому, чтобы его слуги сдѣлали то, чего онъ не догадался сдѣлать, — что нельзя было перетолковать его. „Поступай съ другими, какъ хочешь, чтобы поступали съ тобой“, — какъ же перетолковать это?

— А на это они, по моему совѣту, употребляли различные способы, — сказалъ дьяволъ въ пелеринкѣ. — У людей есть сказка о томъ, какъ добрый волшебникъ, спасая человѣка отъ злого, превращаетъ его въ зернышко пшена, и какъ злой волшебникъ, превратившись въ пѣтуха, готовъ уже былъ склевать это зернышко, но добрый волшебникъ высыпалъ на зернышко мѣру зеренъ. И злой волшебникъ не могъ съѣсть всѣхъ зеренъ и не могъ найти то, какое ему было

нужно. То же сдѣлали и они, по моему совѣту, съ ученіемъ того, кто училъ, что весь законъ въ томъ, чтобы дѣлать другому то, что̀ хочешь, чтобы дѣлали тебѣ: они признали священнымъ изложеніемъ закона Бога 49 книгъ и въ этихъ книгахъ признали всякое слово произведеніемъ Бога, святого духа. Они высыпали на простую, понятную истину такую кучу мнимыхъ священныхъ истинъ. что стало невозможно ни принять ихъ всѣ, ни найти въ нихъ ту, которая одна людямъ. Это ихъ первый способъ. Второй способъ, который они употребляли съ успѣхомъ болѣе тысячи лѣтъ, состоитъ въ томъ, что они просто убиваютъ, сжигаютъ всѣхъ тѣхъ, кто хочетъ открыть истину. Теперь этотъ способъ выходитъ изъ употребленія, но они не бросаютъ его и, хотя и не сжигаютъ людей, пытающихся открыть истину, но такъ клевещутъ на нихъ, такъ отравляютъ имъ жизнь, что только очень рѣдкіе рѣшаются обличать ихъ. Это второй способъ. Третій же способъ — въ томъ, что, признавая себя церковью, слѣдовательно непогрѣшимыми, они прямо учатъ, когда имъ это нужно, противоположному тому, что̀ сказано въ писаніи,

предоставляя своимъ ученикамъ самимъ, какъ они хотятъ и умѣютъ, выпутываться изъ этихъ противорѣчій. Такъ, напримѣръ, сказано въ писаніи: одинъ учитель у васъ Христосъ, и отцемъ себѣ не называйте никого на землѣ, ибо одинъ у васъ Отецъ, который на небесахъ. И не называйтесь наставниками, ибо одинъ у васъ наставникъ — Христосъ. А они говорятъ: мы одни отцы и мы одни наставники людей. Или сказано: если хочешь молиться, то молись одинъ втайнѣ, и Богъ услышитъ тебя, — а они учатъ, что надо молиться въ храмахъ всѣмъ вмѣстѣ, подъ пѣсни и музыку. Или сказано въ писаніи: не клянитесь никакъ, а они учатъ, что надо склясться въ безпрекословомъ повиновеніи властямъ, чего бы ни требовали эти власти. Или сказано: не убій. А они учатъ, что можно и должно убивать на войнѣ и по суду. Или еще сказано: ученіе мое — духъ и жизнь, питайтесь имъ, какъ хлѣбомъ. А они учатъ тому, что если положить кусочки хлѣба въ вино и сказать надъ этими кусочками извѣстныя слова, то хлѣбъ дѣлается тѣломъ, а вино кровью, и что ѣсть этотъ хлѣбъ и пить это вино очень полезно

для спасенія души. Люди вѣрятъ въ это и усердно ѣдятъ эту похлебку и потомъ, попадая къ намъ, удивляются, что похлебка эта не помогла имъ, — закончилъ дьяволъ въ пелеринкѣ, закатилъ глаза и осклабился до самыхъ ушей.

— Это очень хорошо, — сказалъ Вельзевулъ и улыбнулся. И всѣ дьяволы разразились громкимъ хохотомъ.

VI.

— Неужели у васъ по-старому: блудники, грабители, убійцы? — уже весело спросилъ Вельзевулъ.

Дьяволы, тоже развеселившись, заговорили всѣ вдругъ, желая выказаться передъ Вельзевуломъ.

— Не по-старому, а больше, чѣмъ прежде, — кричалъ одинъ.

— Блудники не помѣщаются въ прежнихъ отдѣленіяхъ, — визжалъ другой.

— Грабители теперешніе злѣе прежнихъ, — выкрикивалъ третій.

— Не наготовимся топлива для убійцъ, — ревѣлъ четвертый.

— Не говорите всѣ вдругъ, а пусть отвѣчаетъ тотъ, кого я буду спрашивать. Кто завѣдуетъ блудомъ, — выходи и разскажи, какъ ты дѣлаешь это теперь съ учениками

того, кто запретилъ перемѣнять женъ и сказалъ, что не должно глядѣть на женщину съ похотью. Кто завѣдуетъ блудомъ?

— Я, — отвѣчалъ, подползая на заду къ Вельзевулу, женоподобный, бурый дьяволъ съ обрюзгшимъ лицомъ и слюнявымъ, не переставая жующимъ ртомъ.

Дьяволъ этотъ выползъ впередъ изъ ряда другихъ, сѣлъ на корточки, склонилъ на бокъ голову и, просунувъ между ногъ хвостъ съ кисточкой, началъ, помахивая имъ, пѣвучимъ голосомъ говорить такъ:

— Дѣлаемъ мы это и по старому пріему, употребленному тобою, нашимъ отцомъ и повелителемъ, еще въ раю и предавшему въ нашу власть весь родъ человѣческій, и по новому церковному способу. По новому церковному способу мы дѣлаемъ такъ: мы увѣряемъ людей, что настоящій бракъ состоитъ не въ томъ, въ чемъ онъ дѣйствительно состоитъ — въ соединеніи мужчины съ женщиной, а въ томъ, чтобы нарядиться въ самыя лучшія платья, пойти въ большое, устроенное для этого зданіе и тамъ, надѣвши на головы особенныя, приготовленныя для этого шапки, подъ звуки разныхъ пѣсенъ

обойти три раза вокругъ столика. Мы внушаемъ людямъ, что только это есть настоящій бракъ. И люди, увѣрившись въ этомъ, естественно считаютъ, что вякое, внѣ этихъ условій, соединеніе мужчины съ женщиной есть простое, ни къ чему ихъ не обязывающее удовольствіе, или удовлетвореніе гигіенической потребности, и потому, не стѣсняясь, предаются этому удовольствію.

Женоподобный дьяволъ склонилъ обрюзгшую голову на другую сторону и помолчалъ, какъ бы ожидая дѣйствія своихъ словъ на Вельзевула.

Вельзевулъ кивнулъ головой въ знакъ одобренія, и женоподобный дьяволъ продолжалъ такъ:

— Этимъ способомъ, не оставляя при этомъ и прежняго, употребленнаго въ раю способа запрещеннаго плода у любопытства, — продолжалъ онъ, очевидно желая польстить Вельзевулу, — мы достигаемъ самыхъ лучшихъ успѣховъ. Воображая себѣ, что они могутъ устроить себѣ честный церковный бракъ и послѣ соединенія со многими женщинами, люди перемѣняютъ сотни женъ и такъ при этомъ привыкаютъ къ распутству, что дѣ-

лаютъ то же и послѣ церковнаго брака. Если же имъ покажутся почему-либо стѣснительными нѣкоторыя требованія, связанныя съ этимъ церковнымъ бракомъ, то они устраиваютъ такъ, что совершается второе хожденіе вокругъ столика, первое же считается недѣйствительнымъ.

Женоподобный дьяволъ замолчалъ и, утерѣвъ кончикомъ хвоста слюни, наполнявшія ему ротъ, склонилъ на другой бокъ голову и молча уставился на Вельзевула.

VII.

— Просто и хорошо, — сказалъ Вельзевулъ. — Одобряю. Кто завѣдуетъ грабителями?

— Я, — отвѣчалъ, выступая, крупный дьяволъ съ большими кривыми рогами, съ усами, загнутыми кверху, и огромными, криво приставленными лапами.

Дьяволъ этотъ, выползши, какъ и прежніе, впередъ и по-военному обѣими лапами оправляя усы, дожидался вопроса.

— Тотъ, кто разрушилъ адъ, — сказалъ Вельзевулъ, — училъ людей жить, какъ птицы небесныя, и повелѣвалъ давать просящему и хотящему взять рубашку отдавать и кафтанъ, и сказалъ, что для того, чтобы спастись, надо раздать имѣніе. Какъ же вы вовлекаете въ грабежъ людей, которые слышали это?

— А мы дѣлаемъ это, — сказалъ дьяволъ съ усами, величественно откидывая назадъ голову, — точно такъ же, какъ дѣлалъ это нашъ отецъ и повелитель при избраніи Саула на царство. Точно такъ же, какъ это было внушено тогда, мы внушаемъ людямъ, что вмѣсто того, чтобы имъ перестать грабить другъ друга, имъ выгоднѣе позволить грабить себя одному человѣку, предоставивъ ему полную власть надъ собою. Новаго въ нашемъ способѣ только то, что для утвержденія права грабежа этого одного человѣка, мы ведемъ этого человѣка въ храмъ, надѣваемъ на него особенную шапку, сажаемъ на высокое кресло, даемъ ему въ руки палочку и шарикъ, мажемъ постнымъ масломъ и во имя Бога и его сына провозглашаемъ особу этого намазаннаго масломъ человѣка священною. Такъ что грабежъ, производимый этой особой, считающейся священной, уже ничѣмъ не можетъ быть ограниченъ. И священныя особы, и ихъ помощники, и помощники помощниковъ всѣ, не переставая, спокойно и безопасно грабятъ народъ. При этомъ устанавливаютъ обыкновенно такіе законы и порядки, при которыхъ даже и безъ

помазанія праздное меньшинство всегда можетъ безнаказанно грабить трудящееся большинство. Такъ что въ послѣднее время въ нѣкоторыхъ государствахъ грабежъ продолжается и безъ помазанниковъ такъ же, какъ и тамъ, гдѣ они есть. Какъ видитъ нашъ отецъ и повелитель, въ сущности, способъ, употребляемый нами, есть старый способъ. Ново въ немъ только то, что мы сдѣлали этотъ способъ болѣе общимъ, болѣе скрытымъ, болѣе распространеннымъ по пространству и времени и болѣе прочнымъ. Болѣе общимъ мы сдѣлали этотъ способъ тѣмъ, что люди прежде подчинялись по своей волѣ тому, кого избирали, мы же сдѣлали такъ, что они теперь совершенно независимо отъ своего желанія подчиняются не тѣмъ, кого избираютъ, а кому попало. Болѣе скрытымъ мы сдѣлали этотъ способъ тѣмъ, что теперь уже ограбливаемые, благодаря устройству податей, особенно косвенныхъ, не видятъ своихъ грабителей. Болѣе распространенъ же по пространству этотъ способъ тѣмъ, что такъ называемые христіанскіе народы, не довольствуясь грабежомъ своихъ, грабятъ подъ разными самыми странными предлогами, преи-

мущественно подъ предлогомъ распространенія христіанства, грабятъ и всѣ тѣ чуждыя имъ народы, у которыхъ есть, что̀ ограбить. По времени же новый способъ этотъ болѣе распространенъ, чѣмъ прежде, благодаря устройству займовъ, общественныхъ и государственныхъ: ограбляются теперь не одни живущія, а и будущія поколѣнія. Способъ же этотъ болѣе прочнымъ мы сдѣлали тѣмъ, что главные грабители считаются особами священными, и люди не рѣшаются противодѣйствовать имъ. Стоитъ только главному грабителю успѣть помазаться масломъ и уже онъ можетъ спокойно грабить, кого и сколько онъ хочетъ. Такъ, одно время въ Россіи, я, ради опыта, сажалъ на царство одну за другою самыхъ гнусныхъ бабъ, глупыхъ, безграмотныхъ и распутныхъ и не имѣющихъ, по ихъ же законамъ, никакихъ правъ, послѣднюю же, не только распутницу, но преступницу, убившую мужа и законнаго наслѣдника. И люди только потому, что она была помазана, не вырвали ей ноздри и не сѣкли кнутомъ, какъ они дѣлали это со всѣми мужеубійцами, но въ продолженіе 30 лѣтъ рабски покорялись ей, предоставляя ей и ея без-

численнымъ любовникамъ грабить не только ихъ имущество, но и свободу людей. Такъ что въ наше время грабежи явные, т. е. отнятіе силой кошелька, лошади, одежды, составляютъ едва ли одну милліонную часть всѣхъ тѣхъ грабежей законныхъ, которые совершаются постоянно людьму, имѣющими возможность это дѣлать. Въ наше время грабежи безнаказанные, скрытые, и вообще готовность къ грабежу установилась между людьми такая, что главная цѣль жизни почти всѣхъ людей есть грабежъ, умѣряемый только борьбою грябителей между собой.

VIII.

— Что̀ же, это хорошо, — сказалъ Вельзевулъ, — но убійства? Кто завѣдуетъ убійствами?

— Я, — отвѣчалъ, выступая изъ толпы, краснаго, кровяного цвѣта дьяволъ съ торчащими изо рта клыками, острыми рогами и поднятымъ кверху толстымъ, неподвижнымъ хвостомъ.

— Какъ же ты заставляешь быть убійцами учениковъ того, кто сказалъ: не воздавай зломъ за зло, люби враговъ. Какъ же ты дѣлаешь убійцъ изъ этихъ людей?

— Дѣлаемъ мы это и по старому способу, — отвѣчалъ красный дьяволъ оглушающимъ, трещащимъ голосомъ, — возбуждая въ людяхъ корысть, задоръ, ненависть, месть, гордость, и также по старому способу внушаемъ учителямъ людей, что лучшее средство отучить людей отъ убійства состоитъ въ томъ,

чтобы самимъ учителямъ публично убивать тѣхъ, которые убили. Этотъ способъ не столько даетъ намъ убійцъ, сколько приготовляетъ ихъ для насъ. Большее же количество давало и даетъ намъ новое ученіе о непогрѣшимости церкви, о христіанскомъ бракѣ и о христіанскомъ равенствѣ. Ученіе о непогрѣшимости церкви давало намъ въ прежнее время самое большое количество убійцъ. Люди, признававшіе себя членами непогрѣшимой церкви, считали, что позволить ложнымъ толкователямъ ученія развращать людей — есть преступленіе, и что поэтому убійство такихъ людей есть угодное Богу дѣло: и они убивали цѣлыя населенія и казнили, жгли сотны тысячъ людей. При этомъ смѣшно то, что тѣ, которые казнили и жгли людей, начинавшихъ понимать истинное ученіе, считали этихъ самыхъ опасныхъ для насъ людей нашими слугами, т. е. слугами дьяволовъ. Сами же казнившіе и жегшіе на кострахъ, дѣйствительно бывшіе нашими покорными слугами, считали себя святыми исполнителями воли Бога. Такъ это было въ старину; въ наше же время очень большое количество убійцъ даетъ намъ ученіе о христіанскомъ

бракѣ и равенствѣ. Ученіе о бракѣ даетъ намъ, во-первыхъ: убійства супруговъ другъ другомъ и матерями дѣтей. Мужья и жены убиваютъ другъ друга, когда имъ кажутся стѣснительными нѣкоторыя требованія закона и обычая церковнаго брака. Матери же убиваютъ дѣтей большею частью тогда, когда соединенія, отъ которыхъ произошли дѣти, не признаются бракомъ. Такія убійства совершаются постоянно и равномѣрно. Убійства же, вызванныя христіанскимъ ученіемъ о равенствѣ, совершаются періодически, но за то, когда совершаются, то совершаются въ очень большомъ количествѣ. По ученію этому людямъ внушается, что они всѣ равны передъ закономъ. Люди же ограбленные чувствуютъ, что это неправда. Они видятъ, что равенство это передъ закономъ состоитъ только въ томъ, что грабителямъ удобно продолжать грабить, имъ же это неудобво дѣлать, и они возмущаются и нападаютъ на своихъ грабителей. И тогда начинаются взаимныя убійства, которыя даютъ намъ сразу иногда десятки тысячъ убійцъ.

IX.

— Но убійства на войнѣ? Какъ вы приводите къ нимъ учениковъ того, кто призналъ людей сынами одного отца и велѣлъ любить враговъ?

Красный дьяволъ оскалился, выпустилъ изо рта струю огня и дыма и радостно ударилъ себя по спинѣ толстымъ хвостомъ.

— Дѣлаемъ мы такъ: мы внушаемъ каждому народу, что онъ, этотъ народъ, есть самый лучшій изъ всѣхъ на свѣтѣ, „Deutschland über alles“*), Франція, Англія, Россія — „über alles“, и что этому народу (имя рекъ) надо властвовать надъ всѣми другими. А такъ какъ всѣмъ народамъ мы внушали то же самое, то они, постоянно чувствуя себя въ опасности отъ своихъ сосѣдей, всегда готовятся къ

*) Германія — выше всѣхъ.

защитѣ и озлобляются другъ на друга. А чѣмъ больше готовится къ защитѣ одна сторона и озлобляется на это на своихъ сосѣдей, тѣмъ больше готовятся къ защитѣ всѣ остальныя и озлобляются другъ на друга. Такъ что теперь всѣ люди, принявшіе ученіе того, кто назвалъ насъ убійцами, всѣ постоянно и преимущественно запяты приготовленіемъ къ убійству и самыми убійствами.

X.

— Что̀ же, это остроумно, — сказалъ Вельзевулъ послѣ долгаго молчанія. — Но какъ же свободные отъ обмана ученые люди не увидали того, что церковь извратила ученіе, и не возстановили его?

— А они не могутъ сдѣлать этого, — самоувѣреннымъ голосомъ сказалъ, выползая впередъ, матово-черный дьяволъ въ мантіи съ плоскимъ покатымъ лбомъ, безмускульными членами и оттопыренными большими ушами.

— Почему? — строго спросилъ Вельзевулъ, недовольный самоувѣреннымъ тономъ дьявола въ мантіи.

Не смущаясь окрикомъ Вельзевула, дьяволъ въ мантіи, не торопясь, покойно усѣлся не на корточки, какъ другіе, а по восточному, скрестивъ безъмускульныя ноги, и началъ говорить безъ запинки тихимъ, размѣреннымъ голосомъ:

— Не могутъ они дѣлать этого оттого, что я постоянно отвлекаю ихъ вниманіе отъ того, что̀ они могутъ и что̀ имъ нужно знать, и направляю его на то, что̀ имъ не нужно знать и чего они никогда не узнаютъ.

— Какъ же ты сдѣлалъ это?

— Дѣлалъ и дѣлаю я различно по времени, — отвѣчалъ дьяволъ въ мантіи. — Въ старину я внушалъ людямъ, что самое важное для нихъ — это знать подробности объ отношеніи между собою лицъ Троицы, о происхожденіи Христа, объ естествахъ его, о свойствѣ Бога и т. п. И они много и длинно разсуждали, доказывали, спорили и сердились. И эти разсужденія такъ занимали ихъ, что они вовсе не думали о томъ, какъ имъ жить. А не думая о томъ, какъ имъ жить, имъ и не нужно было знать того, что̀ говорилъ имъ ихъ учитель о жизни.

Потомъ когда они уже такъ запутались въ этихъ разсужденіяхъ, что сами перестали понимать то, о чемъ говорили, я внушилъ однимъ, что самое важное для нихъ — это изучить и разъяснить все то, что̀ написалъ человѣкъ по имени Аристотель, жившій тысячу лѣтъ тому назадъ въ Греціи; другимъ вну-

шилъ, что самое важное для нихъ — это найти камень, посредствомъ котораго можно было бы дѣлать золото, и такой эликсиръ, который излѣчивалъ бы отъ всѣхъ болѣзней и дѣлалъ людей безсмертными. И самые умные и ученые изъ нихъ всѣ свои умственные силы направили на это.

Тѣмъ же, которые не интересовались этимъ, я внушилъ, что самое важное — это знать: земля ли вертится вокругъ солнца, или солнце вокругъ земли? И когда они узнали, что земля вертится, а не солнце, и опредѣли, сколько милліоновъ верстъ отъ солнца до земли, то были очень рады и съ тѣхъ поръ еще усерднѣе изучаютъ до сихъ поръ разстоянія отъ звѣздъ, хотя и знаютъ, что конца этимъ разстояніямъ нѣтъ и не можетъ быть, и что самое число звѣздъ — безконечно, и что знать имъ это совсѣмъ не нужно. Кромѣ того я внушилъ имъ еще и то, что имъ очень нужно знать, какъ произошли всѣ звѣри, всѣ червяки, всѣ растенія, всѣ безконечно малыя животныя. И хотя имъ это точно также совсѣмъ не нужно знать, и совершенно ясно, что узнать это невозможно, потому что животныхъ такъ же безконечно много, какъ и

звѣздъ, они на эти и подобныя этимъ изслѣдованія явленій матеріальнаго міра направляютъ всѣ свои умственныя силы и очень удивляются тому, что чѣмъ больше они узнаютъ того, что̀ имъ не нужно знать, тѣмъ больше остается неузнаннаго ими. И хотя очевидно, что по мѣрѣ ихъ изслѣдованія область того, что̀ имъ остается узнать, становится все шире и шире, предметы изслѣдованія сложнѣе и сложнѣе, и самыя пріобрѣтаемыя ими знанія неприложимѣе и неприложимѣе къ жизни, это нисколько не смущаетъ ихъ, и они, вполнѣ увѣренные въ важности своихъ занятій, продолжаютъ изслѣдовать, проповѣдовать, писать и печатать, и переводить съ одного языка на другой всѣ свои большей частью ни на что непригодныя изслѣдованія и разсужденія, а если изрѣдка и пригодныя, то только на потѣху меньшинства богатыхъ или на ухудшеніе положенія большинства бѣдныхъ.

Для того же, чтобы они никогда уже не догадались, что единое нужное для нихъ — это установленіе законовъ жизни, которое указано въ ученіи Христа, я внушаю имъ, что закона духовной жизни они знать не могутъ, и что всякое религіозное ученіе, въ томъ

числѣ и ученіе Христа, есть заблужденіе и суевѣріе, а что узнать о томъ, какъ имъ надо жить, они могутъ изъ придуманной мною для нихъ науки, называемой соціологіей и состоящей въ изученіи того, какъ различно дурно жили прежніе люди. Такъ что вмѣсто того, чтобы имъ самимъ, по ученію Христа, постараться жить лучше, они думаютъ, что имъ надо только изучить жизнь прежнихъ людей, и что они изъ этого изученія выведутъ общіе законы жизни, и что для того, чтобы жить хорошо, имъ надо будетъ только сообразоваться въ своей жизни съ этими выдуманными ими законами.

Для того же, чтобы еще больше укрѣпить ихъ въ обманѣ, я внушаю имъ нѣчто подобное ученію церкви, а именно то, что существуетъ нѣкоторая преемственность знаній, которая называется наукой, и что утвержденія этой науки такъ же непогрѣшимы, какъ и утвержденія церкви.

А какъ только тѣ, которые считаются дѣятелями науки, увѣряются въ своей непогрѣшимости, такъ они естественно провозглашаютъ за несомнѣнныя истины самыя, не только ненужныя, но и часто нелѣпыя глу-

пости, отъ которыхъ они уже, разъ сказавши ихъ, не могутъ отречься.

Вотъ отъ этого-то я и говорю, что до тѣхъ поръ, пока я буду внушать имъ уваженіе, подобострастіе къ той наукѣ, которую я выдумалъ для нихъ, — они никогда не поймутъ того ученія, которое чуть было не погубило насъ.

XI.

— Очень хорошо! Благодарю, — сказалъ Вельзевулъ, и лицо его просіяло. — Вы стоите награды, и я достойно награжу васъ.

— А насъ вы забыли! — закричали въ нѣсколько голосовъ остальные разношерстные, маленькіе, большіе кривоногіе, толстые, худые дьяволы.

— Вы что дѣлаете? — спросилъ Вельзевулъ.

— Я — дьяволъ техническихъ усовершенствованій.

— Я — раздѣленія труда!

— Я — путей сообщенія!

— Я — книгопечатанія!

— Я — искусства!

— Я — медицины!

— Я — культуры!

— Я — воспитанія!

— Я — исправленія людей!

— Я — одурманиванія!

— Я — благотворительности!

— Я — соціализма!

— Я — феминизма! — закричали они всѣ вдругъ, тѣснясь впередъ передъ лицо Вельзевула.

— Говорите порознь и коротко, — закричалъ Вельзевулъ. — Ты! — обратился онъ къ дьяволу техническихъ усовершенствованій. — Что ты дѣлаешь?

— Я внушаю людямъ, что чѣмъ больше они сдѣлаютъ вещей и чѣмъ скорѣе они будутъ дѣлать ихъ, тѣмъ это будетъ для нихъ лучше. И люди, губя свои жизни для произведенія вещей, дѣлаютъ ихъ все больше и больше, несмотря на то, что вещи эти не нужны тѣмъ, которые заставляютъ ихъ дѣлать, и не доступны тѣмъ, которые ихъ дѣлаютъ.

— Хорошо! Ну, а ты? — обратился Вельзевулъ къ дьяволу раздѣленія труда.

— Я внушаю людямъ, что такъ какъ вещи дѣлать можно скорѣе машинами, чѣмъ людьми, то надо людей превратить въ машины, и они дѣлаютъ это, и люди, превращенные въ

машины, ненавидятъ тѣхъ, которые сдѣлали это надъ ними.

— И это хорошо! Ты? — обратился Вельзевулъ къ дьяволу путей сообщенія.

— Я внушаю людямъ, что для ихъ блага имъ нужно какъ можно скорѣе переѣзжать съ мѣста на мѣсто. И люди, вмѣсто того, чтобы улучшать свою жизнь, каждому на своихъ мѣстахъ, проводятъ ее большею частью въ переѣздахъ съ мѣста на мѣсто. Очень гордятся тѣмъ, что они въ часъ могутъ проѣхать 50 верстъ и больше.

Вельзевулъ похвалилъ и этого.

Выступилъ дьяволъ книгопечатанія. Его дѣло, какъ онъ объяснилъ, состоитъ въ томъ, чтобы какъ можно большему числу людей сообщить всѣ тѣ гадости и глупости, которыя дѣлаются и пишутся на свѣтѣ.

Дьяволъ искусства объяснилъ, что онъ, подъ видомъ утѣшенія и возбужденія возвышенныхъ чувствъ въ людяхъ, потворствуетъ ихъ порокамъ, изображая ихъ въ привлекательномъ видѣ.

Дьяволъ медицины объяснилъ, что его дѣло состоитъ въ томъ, чтобы внушать людямъ, что самое нужное для нихъ дѣло — это за-

бота о своемъ тѣлѣ; а такъ какъ забота о своемъ тѣлѣ не имѣетъ конца, то люди, заботящіеся съ помощью медицины о своемъ тѣлѣ, не только забываютъ о жизни другихъ людей, но и о своей собственной.

Дьяволъ культуры объяснилъ, что внушаетъ людямъ то, что пользованіе всѣми тѣми дѣлами, которыми завѣдуютъ дьяволы техническихъ усовершенствованій, раздѣленія труда, путей сообщенія, книгопечатанія, искусства, медицины, — есть нѣчто вродѣ добродѣтели, и что человѣкъ, пользующійся всѣмъ этимъ, можетъ быть вполнѣ доволенъ собой и не стараться быть лучше.

Дьяволъ воспитанія объяснилъ, что онъ внушаетъ людямъ, что они могутъ, живя дурно и даже не зная того, въ чемъ состоитъ хорошая жизнь, учить дѣтей хорошей жизни.

Дьяволъ исправленія людей объяснилъ, что онъ учитъ людей тому, что, будучи сами порочны, они могутъ исправлять порочныхъ людей.

Дьяволъ одурманиванія сказалъ, что онъ научаетъ людей тому, что вмѣсто того, чтобы избавиться отъ страданій, производимыхъ дурною жизнью, стараясь жить лучше, —

имъ лучше забыться подъ вліяніемъ одуренія виномъ, опіумомъ, табакомъ, морфіемъ.

Дьяволъ благотворительности сказалъ, что онъ, внушая людямъ то, что, грабя пудами и давая ограбленнымъ золотниками, они добродѣтельны и не нуждаются въ усовершенствованіи, — онъ дѣлаетъ ихъ недоступными къ добру.

Дьяволъ соціализма хвастался тѣмъ, что во имя самаго высокаго общественнаго устройства жизни людей онъ возбуждаетъ вражду сословій.

Дьяволъ феминизма хвастался тѣмъ, что для еще болѣе усовершенствованнаго устройства жизни онъ, кромѣ вражды сословій, возбуждаетъ еще и вражду между полами.

— Я — комфортъ! Я — мода! кричали и пищали еще другіе дьяволы, подползая къ Вельзевулу.

— Неужели вы думаете, что я такъ старъ и глупъ, что ни понимаю того, что, какъ скоро ученіе о жизни ложно, то все, что̀ могло быть вредно намъ, все становится намъ полезно, — закричалъ Вельзевулъ и громко расхохотался. — Довольно! Благодарю всѣхъ, — и, всплеснувъ крыльями, онъ вскочилъ на

ноги. Дьаволы окружили Вельзевула. На одномъ концѣ сцѣпившихся дьяволовъ былъ дьяволъ въ пелеринкѣ — изобрѣтатель церкви, на другомъ концѣ — дьяволъ въ мантіи, изобрѣтатель науки. Дьяволы эти подали другъ другу лапы, и кругъ замкнулся.

И всѣ дьяволы, хохоча, визжа, свистя и порская, начали, махая и трепля хвостами, кружиться и плясать вокругъ Вельзевула. Вельзевулъ же, расправивъ крылья и трепля ими, плясалъ въ серединѣ, высоко задирая ноги. Вверху же слышались крики, плачъ, стоны и скрежетъ зубовъ.